

божественного предопределения, взаимоотношения веры и разума). Как известно, эти идеи доминировали в западноевропейском реформационном движении. С.Будный по своим взглядам близок к одному из течений реформации – кальвинизму. Однако можно утверждать, что его эволюция шла в направлении последовательного свободомыслия.

Таким образом, исследования религии в социокультурном пространстве Беларуси должны строиться на междисциплинарной основе. Углубленное изучение истории религий должно опираться на методологию современного социально-гуманитарного знания.

***Медедува К.А.* Этические и эстетические исследования в постсоветских городах**

Ситуация в современных городских исследованиях такова, что междисциплинарный подход становится более продуктивным, чем исследования монодисциплинарные. Речь не идет о том, что исторический, социологический, урбанистический или географический подходы не могут дать объемного понимания тех процессов, которые происходят в современном мире, но город является таким объектом, который постоянно сопротивляется устоявшимся исследовательским схемам. А глобальные изменения последних десятилетий показали, что методология городских исследований, выработанная преимущественно на рубеже XIX-XX веков, не столь эффективна, когда речь заходит о городах рубежа XX-XXI веков.

В этом докладе мы хотели бы остановиться на двух контекстах, которые в равной степени могут существовать как автономные исследовательские стратегии и в тоже время как стратегии перекрестного анализа.

Понимая город как пространство, которое конструируется в результате пересечения разных и сложных культурных, социальных, политических отношений, мы видим, что города постоянно создают, «стимулируют и проблематизируют» новые исследовательские позиции. Формат исследования индустриального города в значительной степени будет отличаться от исследования городов в «эпоху их туристической воспроизводимости» [1]. Советский город и трансформации

постсоветского периода очевидно должны рассматриваться в разных модальностях.

Соотношение этических и эстетических аспектов исследования городов представляется продуктивным способом для того, чтобы фиксировать внимание на том, как конструируется современное понимание природы города.

В той или иной степени этический аспект присутствует в теориях критического урбанизма как способ думания о том, насколько города являются пространством для людей. Эстетический аспект связан с тем, что города являются четко очерченными пространствами, где доминирует дискурс власти. Власть формирует пространственно-символическую эстетику и привилегированный дискурс высказываний о том, какими должны быть города.

Если классическая советская урбанистика занималась вопросами социально-экономического развития, проблемами модернизации, урбанизации и дезурбанизации, то в последние два десятилетия городские исследования расширяют свое проблемное поле, активно включая в свою методологию феноменологические аспекты. Этическая проблематика в этом контексте является ключевой: каким образом формируются городские отношения, является ли город пространством для людей, или же верны исследователи (В. Глазычев), утверждающие, что современные города, стали не-городами, поскольку произошло вытеснение человека из города машинами, механизмами, технологиями, институтами.

Этические темы в городских исследованиях хорошо прослеживаются с конца XIX и начала XX века, поскольку это период, когда появилось большое количество манифестирующих программных документов, определявших мировоззренческую ситуацию XX века.

Общее напряжение смены веков, наступление прогресса, искренняя вера в возможности человеческого разума на фоне радикальных социальных перемен нашло свое отражение и в различных формах городского творчества. В живописи, литературе и архитектуре все явнее проявлялись интенции революционного характера. Осознание могущества научно-индустриальной цивилизации, вера в «прогресс» и напряженное ожидание скорых и радикальных перемен порождали эти программные заявления, и

хотя язык их был революционно-категоричным, настаивающим на полном отрыве от века прошлого, и зачастую друг от друга, общим было то, что видимое ими будущее должно было быть другим.

Программный разрыв с прошлым, рывок вперед за счет техники, науки, новых человеческих отношений – все это было с энтузиазмом подхвачено различными слоями населения, но с особой яркостью программы нового мира выразились в городской архитектуре.

Этический аспект для архитектуры наиболее отчетливо проявлялся в способе мыслить исходя из посылок разделенного мира: на мир революционный (преобразованный и преобразующийся) и мир консервативной историчности. Архитектура, становясь социально чувствительной к мировоззренческим проекциям века, сохраняет некоторые стилевые реверсы в прошлое (историзм). Такие программные проекты как Баухауз, проекты Красной Вены и отчасти проекты уравнительной утопии советских «хрущевок» создали основной тренд этического измерения для XX века: благоустроенное жилье для рабочих, всеобщее образование, комфортные школы, доступные детские садики, медицинские учреждения и главное – повышение уровня культуры новых городских жителей.

Советские города были городами с преимущественным преобладанием такого минималистского и уравнительного с этической точки зрения стиля архитектуры, за исключением городов-столиц. В общей массе унифицированных городов, столицы выделялись тем, что Алексей Комов, назвал «урбанистическим аппаратом репрезентации». По его мнению, этот аппарат репрезентации восходит к римской модели имперского типа и состоит из ряда обязательных элементов: Дома Советов, выполняющего роль главного, центрального здания; Дворца Республики – по римской версии это «храм религии»; Академического театра – важнейшего элемента культурного осознания столичности; Телебашни – сильной энергетической доминанты, которая зачастую выполняет роль высотной визитки; Монумента национальному герою, который также как и Монумент вождю и Монумент Победы создает основные символические и темпоральные оси. К этому списку необходимо также добавить метро, центральные улицы (как вариант они имеют название улицы

Ленина), культовые учреждения торговли, такие как ЦУМ, ГУМ, Военторг [2,с.7].

Для пост-советских городов стояла задача своеобразного ребрендинга. От визуального советского старались отказаться, вытесняя его новыми символами «независимости», «исторической подлинности», «культурного своеобразия». При этом эстетическая праформа чаще всего решала задачи идентификации нового государства на мировой арене, то есть изменился масштаб позиционирования. Советские столицы были равными среди равных, но формат столицы независимого государства позволял выйти на другой уровень визуальной идентификации. Так, например, в Астане сейчас популярен месседж о том, что Астана – это Дубай в степи.

Мировой генезис архитектурного творчества в XX веке в целом зависел от иерархии ценностей общества, которые архитектура обслуживала, и решал важную мировоззренческую задачу, описанную в различных школах и направлениях как задачу постижения тайны человеческого бытия. Антропологический поворот в философии изменил концептуальную природу архитектурного творчества. В архитектуре произошел сдвиг в сторону обновления за счет поиска онтологической подлинности человеческого существования.

Так позитивистская вера в рациональность техники сфокусировала усилия архитекторов на функциональности как общества в целом, так и собственных произведений.

Советский функционализм характеризовался пренебрежением к культурным контекстам. Редкие города имели свой неповторимый, уникальный почерк, чаще эта уникальность достигалась за счет природного контекста – наличие рек, гор, особого панорамного вида. Возможно поэтому первые проекты по преодолению «советскости» в постсоветских городах были связаны с изменением визуально-икононических образов.

Эстетический ракурс городских исследований непосредственно связан с этическими представлениями об изменяющемся мире. Образцом этико-эстетического подхода можно считать пример с «Ред Хауса» Уильяма Морриса (1834-1896), где он под крышей своего «красного дома» в Лондоне собрал своих друзей-единомышленников, готовых ручным творчеством противостоять

наступлению машинного производства. Основной месседж Морриса заключался в том, что в связи с разрастанием капиталистических отношений теряется естественная связь с природой, с трудом, затрудняется человеческое общение. Его этическая программа была рассчитана на добровольное содействие восстановлению естественных связей между людьми. Создавая дома-ремесел, Моррис так же как и последователи Шарля Фурье, создававшие социентарные дворцы-коммуны, считал, что для преобразования искусства не нужно ждать социализма, искусство должно пойти своим собственным путем, поскольку преобразование среды само по себе способствует приближению к идеальному обществу. Эта практика получила широкое распространение в американских и западных городах и ныне она представлена лофт-архитектурой или различными видами творческих поселений типа сквотов или особых кварталов для художников и ремесленников. Но практически эта традиция не была представлена в советской практике и очень незначительны ее проявления в постсоветский период. Более того, бывшие индустриальные объекты становятся чаще зонами городского отчуждения, не переформируясь в некие зоны привилегированного значения как это может происходить в западной культуре.

На советскую архитектурную практику оказали большое влияние идеи У. Говарда, Ш. Фурье, Р. Оуэна. Эти идеи заключались в стремлении построить социальную гармонию в замкнутых геометрических мирах, а затем представить этот мир как модель всеобщего жизнеустройства. Эти идеи реконструкции мира отталкивались от того факта, что исторические города не могли быть кардинально реконструированы, поэтому предлагалось выйти за орбиту исторического города, и на технически осязаемых расстояниях начать строительство городов-спутников.

В постсоветской практике отношение к городам-спутникам неоднозначное, с одной стороны, наличие их говорит о некоем экономическом ресурсе главного города, с другой стороны, пришло понимание, что города-спутники увеличивают проблемы ложной урбанизации, увеличивается радиус не только суточной трудовой миграции, но и сельских территорий, подвергающихся

экономической деградация. Происходит переток рабочих мест из сферы реального производства в сферу услуг.

Другим источником архитектурного вдохновения для советской школы градостроения являлся Ле Корбюзье, который был решительно настроен против исторической пропедевтики старых городов. Под влиянием его проектов кардинальной перестройки исторических городов сформировалась модель соцгорода, авторство которой связывают с наркомом Николаем Милютиным.

Программные высказывания Ле Корбюзье показывают, что язык архитектуры становится все более публичным, а революционный запал все очевиднее:

- «Геометрия – это средство, которым мы пользуемся для восприятия окружающего нас и для самовыражения. Геометрия является основой. Она является также вещественным остовом символов, обозначающих совершенство, божественное. Она дает нам возвышенное удовлетворение математики» [3, с.13].

- «Я говорю: «общественная сила», и этим самым я мотивирую сущность города, то есть страстное сочетание мечтаний (как бы хрупки они не были) толпы, которая хочет дать свою идею. Кому? Тому месту, которое является большим городом, тому, где образовался этот индивидуум, изолированный в своем размышлении» [3, с.17].

- «Большие города – это духовные ателье, где создаются произведения вселенной» [3, с.46].

Архитектура Ле Корбюзье относится к конструктивно-геометрическому направлению, традиции которого поддерживали также конструктивисты, а к середине XX века это течение стало основой, так называемому, интернациональному стилю, который представлен классикой стеклянных навесных панелей, ломанных поверхностей и небоскребных «коробок».

Примечательно, что после развала Советского Союза первые программы реконструкции постсоветских городов были связаны с этими мировыми трендами. Но если в мировой архитектурной практике стеклянная архитектура была на пике популярности в 60-е и 70-е, отчасти в 80-е годы, то ее приход на рубеже веков в новые независимые государства постсоветского периода никак не может рассматриваться как отражение самой современной архитектурной мысли. То есть выбор архитектурной идеи для постсоветских

реконструкций был по существу откатом назад, нежели движением вперед с точки зрения эволюции архитектурной мысли.

Поэтому эстетические программы для многих городов, в том числе и для новой столицы Казахстана декларируется как осознанная эклектика.

Один из принципов эклектики это поворот к «говорящей архитектуре». Первым, кто описал этот феномен, был Клод-Николя Леду, который использовал понятие «духа места» для раскрытия в тесной взаимосвязи быта, нравов, поведения людей и художественных качеств архитектуры. Отчасти эти идеи были хорошо восприняты еще российскими архитекторами. Считается, что идеи Леду определили основные архитектурные идеи российского просвещения. А это в первую очередь – формирование отношения к архитектуре как к «высочайшему» искусству и «величайшему» средству благотворного воздействия на людские умы всех классов, рангов и сословий.

Новое видение этого месседжа проявилось в повышении интереса к национальному прошлому. Эстетическая перекодировка городских пространств новыми (старыми) именами произошла повсеместно. Где-то как в Астане имело место вытеснение старых памятников новыми, где целиноградские памятники областного масштаба были заменены на более масштабные и отражающие иные уровни истории. Некоторые замены выглядят очень осторожными, сохраняются, например, памятники одного типа, чаще всего касающиеся Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, но смещаются монументы «Покорителям Целины» или героям Октябрьской революции.

Активность в политико-эстетической перекодировке городских пространств максимально проявилась в Ашхабаде.

В целом ашхабадская скульптурная карта города более монументализирована, чем астанинская. Там, где в Астане появляется одиночный памятник, призванный символизировать историческую и культурную память, в Ашхабаде появляется целая аллея Вдохновения (Ыхлым) с многочисленными туркменскими поэтами, мыслителями, политиками от средневековья до советских времен.

В сравнении с Ташкентом, который в целом остался верен советской версии «восточного» города (Космарский, 2008), такие

города как Ашхабад и Астана подверглись более кардинальной перекодировке.

Ташкент после землетрясения 1966 года сформировал свой образ, где вместо узких и кривых улиц восточного города в центральной части Ташкента укоренились прямые и широкие проспекты, и это в целом соответствует «современным» представлениям о «большом городе» и перекодировка была не архитектурная, а скорее дизайнерская.

В многочисленных парках и площадях появились колоннады – продукт уже современного периода независимости. Эти колоннады примечательны тем, что они украшены скульптурными изображениями аистов на одной ноге. Согласно официальной мифологеме «с древнейших времен эти птицы в Узбекистане символизируют мир и спокойствие» [4]. Расшифровка этой мифологемы заключается в том, что аист только тогда стоит на одной ноге, когда доверяет миру вокруг себя. Именно этого ощущения спокойствия добиваются власти. Не кардинальной перекодировки общественного сознания, но сохранения спокойствия.

Эти внешние вариации являются показателями того, какие процессы идут в новых независимых государствах. В критической урбанистике (Д. Харви) считается, что современные города «расколоты в социальном отношении между финансовыми элитами и огромными массами низкооплачиваемых работников сферы услуг, смешивающихся с маргиналами и безработными»[5].

Девид Харви ставит проблему: «Город преобразует нас в городских условиях, которые мы не выбирали. Как можно рассчитывать на создание альтернативного городского мира, хотя бы вообразить его очертания, его загадки и его очарование, когда мы так глубоко погружены в опыт того, что уже существует?».

Город стал онтологическим фундаментом того, что в самом широком смысле слова называют цивилизацией. Плотность городской среды, особенности экономического потребления и производства, промышленное и торговое лобби, в общем, регулировали большую часть культурных коммуникаций. Это особенно заметно на примере того, как проекты социальных переустройств преломлялись в оптике градостроительства или градореформаторства. В антропологии тема города всегда

признавалась как определяющая само предметное поле антропологии как науки о человеческом теле, с одной стороны, и о человеческой душе – с другой. Город может считаться тем, что Хельмут Плеснер назвал выходом из «непосредственного» существования или своеобразной сублимацией человеческого бытия. Не всякую конгломерацию людей и поселений называли городом. Исторически город возникает как пространственная структура, имеющая собственное время. Такой город являлся моделью универсума. Созидательная творческая сила города в прорастании, в расширении, в изменении естественной природы, город – это антитеза природе. Современный человек, создавая пространство города, артикулирует не только экономическими и политическими возможностями, строительство современного города – это и вопрос о культурной ценности.

Литература

1. Гройс Б. Город в эпоху его туристической воспроизводимости // Неприкосновенный запас. 2003. № 4 (30).

2. Комов А. Как построить советскую столицу // Проект Россия. – 2003. - № 4. – С.6-8.

3. Ле Корбюзье. К архитектуре // Ле Корбюзье. Архитектура XX века. – Москва: Прогресс, 1977. – С.8-13.

4. Например, площадь Независимости – Мустакилликмайдои. Описание взято с туристического сайта. www.sairamtour.com/uzbekistan/tourist_attractions/mustakillikr.html

5. Дэвид Харви. Право на город http://redflora2017.blogspot.com/2012/09/blog-post_6.html

КРУГЛЫЙ СТОЛ «АБАЙ, ГУМИЛЁВ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И ИННОВАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА»

Абишев Х.С. Язык мой – брат мой

У казахов есть поговорка: настоящий казах это не сам казах, домбра – вот настоящий казах. Домбра отражает в себе философию кочевника, в умелых руках домбра может передать всю гамму человеческих чувств и переживаний, в домбре воплощена символика учения Аль-фараби о музыке, как о высшей абстракции, доступной человеческому пониманию.